

Н. Л. Грач

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В НИМФЕЕ

[(Предварительное сообщение)]

В последние годы при исследовании боспорского города Нимфея были открыты редкой сохранности остатки архитектуры эллинистического времени, связанные с его культами и оборонительной системой. На южном склоне Нимфейского плато раскопаны мощные стены с рустованной кладкой, лестницы с широкими маршами и декоративным оформлением, пилоны, каменные алтари разных конструкций и такие элементы парадной архитектуры, как карнизы, канеллированные барабаны колонн и базы под них. Оказалось, что в первой половине III в. до н. э. на трех террасах склона, обращенного в сторону моря, размещался внушительного вида культовый архитектурный ансамбль¹. Он был возведен древними зодчими на высоком цоколе с явным расчетом восприятия его издали, т. е. с нимфейской гавани, а также с кораблей, следовавших в Боспор Киммерийский на пути к царской столице Пантикапею и далее — в Меотиду. Эффектно расположенный на высоком мысу, Нимфей был первым городом, хорошо видным по левую сторону с судов, входящих в сужающуюся часть пролива.

В 1982 г. пятилетние усилия экспедиции увенчались замечательной находкой. В метровой толще глинистого грунта была обнаружена полихромная штукатурка, состоящая из множества фрагментов (несколько тысяч), но счастливо компактно обвалившаяся со стены в одно из помещений святилища. По данным, полученным уже в начальной стадии реставрации, площадь оштукатуренной стены составляет 12—15 кв. м².

Верх и низ этого своеобразного панно, выполненного в технике энкаустика, были оставлены в белом цвете грунтовки с оттенком под слоновою кость, а середина украшена широкими поперечными полосами ярко-

¹ Ежегодные раскопки в Нимфее ведет Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством автора. Предлагаемая в статье интерпретация памятника носит предварительный характер ввиду неполноты его изученности. Исследуемый участок отличается трудоемкостью и сложностью для прочтения из-за необычной мощности эллинистического культурного слоя, достигающего 8 м, и расположения его на склоне. Необходимо отметить активное вторичное использование строительных остатков ранних сооружений для строительства более поздних. В частности, рустованный цоколь святилища после его разрушения органично вошел в крепостные стены, функционировавшие до митридатовского времени.

² Приблизительные параметры фрески: длина 5,20 м, высота 2,5—3 м. В настоящей публикации предлагается фрагмент (размеры 1,60 × 0,80 м), который удалось собрать в первую очередь благодаря изображению корабля, вырезанного в пластах штукатурки в технике, отличной от других рисунков. Фрагмент состоит почти из тысячи обломков. Реставрация проведена в Лаборатории научной реставрации монументальной живописи Гос. Эрмитажа Л. П. Гаген и В. В. Шацким. Первичная обработка в поле сделана А. И. Поздняк.

желтого и красного цветов, разделенными красочно орнаментированными фризами. Эта часть стены на высоту человеческого роста оказалась сплошь испещренной всевозможными графическими рисунками, знаками и письменными текстами. Среди изображений — различные животные, кони, человеческие фигуры, сцены охоты, но преобладают парусные корабли, которых более 30. Надписи же самого разного жанра: это обращения к богам, сообщения о выходе кораблей в открытое море с указанием числа и месяца, памятные записи о приношениях в святилище, об отдаче долгов, пожелания здравствовать, стихотворный текст местного творчества, отдельные имена и списки их, упоминания о нимфейцах, о боспорском царе Перисаде и т. д. Особое значение в них имеют имена богов Афродиты и Аполлона. Они-то и дают, очевидно, ключ к выяснению функционального назначения и существа самого святилища. Эти боги на фоне корабельной тематики в изображениях и содержании многих надписей, связанных с морем, выступают здесь, несомненно, в роли покровителей мореплавателей.

Новый нимфейский памятник надежно датируется сопутствующим материалом и характером шрифта надписей второй четвертью III в. до н. э., т. е. временем правления боспорского царя Перисады II. Подтверждают это и обнаруженные на стене надписи «династического» характера, в которых упоминается имя этого правителя. Для верности даты следует особенно подчеркнуть тот факт, что штукатурка упала на рухнувшую прежде нее черепичную кровлю. Обилие клейм с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ свидетельствует о происхождении черепицы из царских эргастериев Боспора, хотя есть и более ранние образцы, в частности синопский экземпляр с гончарным клеймом и эмблемой в виде орла на дельфине.

В настоящее время можно сказать, что фреска содержит огромный материал по истории Причерноморья и Средиземноморья эллинистической эпохи. Его потенциальные возможности пока трудно даже предугадать. Однако очевидно одно — данный памятник представляет собою новый исторический документ, своего рода письменный источник исключительной информативности, чрезвычайно перспективный для историков, археологов и эпиграфистов. Что же касается изображений кораблей, то, судя по недавно вышедшей монографии Б. Г. Петерса, посвященной истории древнего морского дела, среди причерноморских материалов нет ни одного достаточно полного воспроизведения парусного судна, за исключением небольшой серии весьма схематичных рисунков на перстнях, стелах и стенах погребальных камер римской эпохи³. На этом фоне нимфейские суда следует признать за целый флот.

Главное место в изобразительном комплексе занимает греческий военный корабль — триера, вырезанный в верхнем желтом пласте штукатурки (рис. 1а и 2). Его длина — 1,20 м. Рисунок дает уникальную информацию об устройстве эллинистического судна с подробностями его экстерьера, а также отчасти внутреннего оформления и декоративного убранства.

Погруженный под волнистую ватерлинию округлой формы, киль в носовой части переходит в высоко поднятый форштевень с двумя таранами — подводным и надводным (рис. 1б). Последний можно принять за один из брусьев (эпотиды), с помощью которых ломались весла на судах противника. Корма (ахтерштевень) завершается акропостолом — украшением в виде щита и петушиного хвоста (рис. 1е). По обе стороны ее находятся рулевые весла со всеми деталями конструкции, а под акропостолом — символическое изображение храма, где, очевидно, помещалась фигура божества-спасителя. Три яруса отверстий для весел (порты), некоторые из которых спущены на воду, как и положено в таких случаях, смещены в шахматном порядке; над ними собрано полотно, которое

³ Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982, с. 3—207.

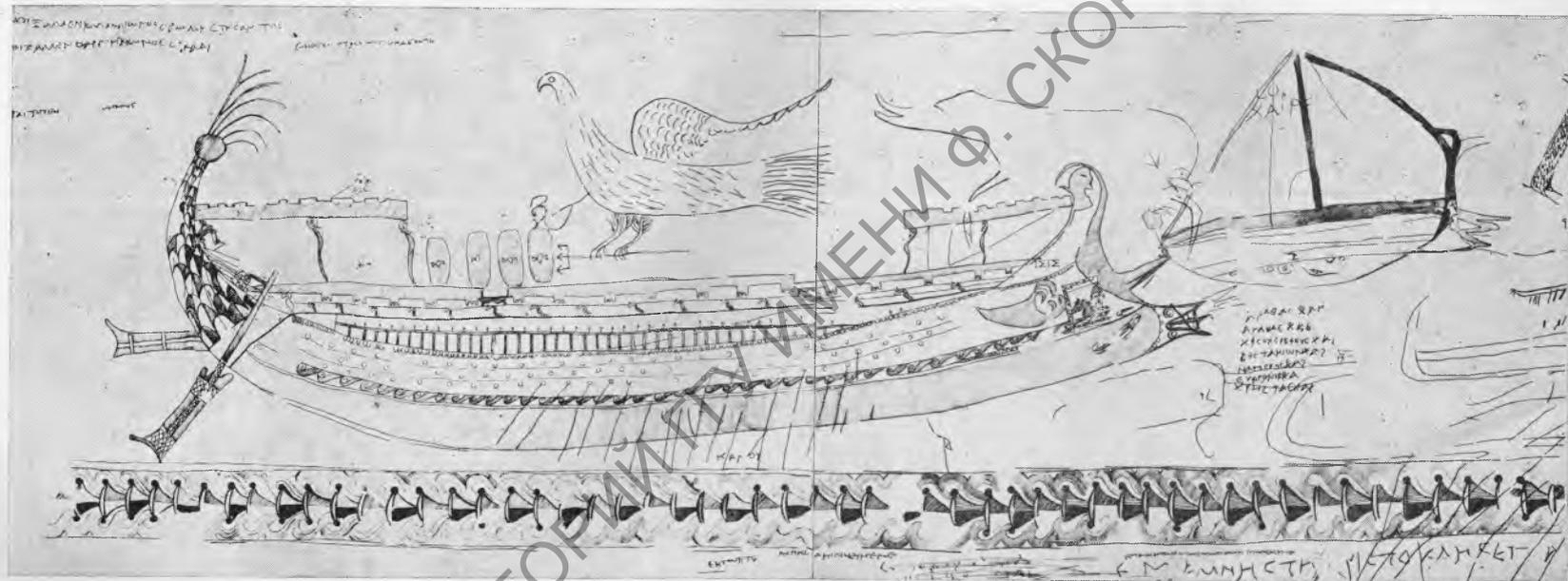

Рис. 2. Корабль «Изида» (прорисовка)

опускалось во время шторма или стоянки судна. Кроме того, изображены верхняя и нижняя палубы с фальшбортом, воинские щиты, на корме и на носу — надпалубные надстройки для элиты команды и такие детали, как проемы для трапов и якорь на передней части киля. В декоре корабля присутствует скульптура — протомы коней или пегасов (их 16) на верхней палубе и лебединые головы на длинных изогнутых шеях, венчавших подпоры в надстройках. Конские полуфигуры даны в ракурсе, что позволяет предполагать их особое функциональное назначение в качестве кронштейнов, поддерживающих специальную площадку — транс, свисающую над водой. На передней части борта корабля четко начертано его название — ΙΣΙΣ, т. е. имя наиболее почитавшейся в птолемеевском Египте богини Изиды. Следует отметить при этом, что экстерьер судна содержит еще ряд декоративных элементов, позволяющих связать его с Египтом, а именно: изображение Диоскура в остроконечной шапочке, с конем, помещенное в прямоугольную ажурную раму, чешуйчатый «напрусный» орнамент, украшавший кормовую часть. Характерной особенностью формы египетских судов была и округлая форма киля, которая имеет место и в нашем случае.

В композиции присутствуют и символические сюжеты, смысл которых пока не совсем ясен. Так, например, на месте мачты с парусом помещена птица, которая держит в мощных лапах трезубец, направленный на крайний щит; под храмом лежит крыло птицы, слева от Диоскура — завиток. Не поддается прочтению и профильная голова бородатого мужчины на форштевне, хотя и можно предполагать в ней изображение восточного божества или одного из Птолемеев. В то же время можно с уверенностью говорить о том, что такие небрежные рисунки, как человеческая фигура с поднятой рукой, выступающая над щитом, и какое-то животное над кораблем, нанесены позднее и не имеют отношения к первоначальному замыслу. Что же касается изображения парусного военного судна, на которое направлен верхний таран или брус «Изиды», то здесь скорее всего имеет место своеобразное авторское решение отразить сцену боя или опасность, которой подвергался корабль на своем пути. Ввиду такой символики парусник невелик по размерам, а рисунок его схематичен.

Таким образом, на стене нимфейского святилища, несомненно, изображен египетский корабль под названием «Изида», ибо предположить его боспорское или какое-либо иное происхождение невозможно. Культ богини Изиды, как и других богов египетского пантеона, в первой половине III в. до н. э. еще не был распространен в Северном Причерноморье. Их почитание пришло сюда значительно позже. Представляется правомерным мнение О. Я. Неверова, отметившего при изучении птолемеевских портретных гемм и перстней, найденных в данном регионе, что поклонение египетским богам носило здесь в это время лишь частный характер. Проникновение же первых культовых изображений Изиды и Осириса, так же как и появление там портретов обожествленных Птолемеев, было связано с совершенно определенным кругом населения — с торговцами-мореплавателями⁴.

Создается полное впечатление, что резчик-маринист, который воспроизвел корабль столь грамотно и подробно, не только хорошо знал корабельное дело, но, скорее всего, либо имел непосредственное отношение к судну, либо видел его своими глазами, когда оно стояло в нимфейской гавани или где-то вблизи, на рейде в проливе. Вероятно, это было большое событие в жизни города, народ сбегался посмотреть на заморское чудо, которое и получило отражение в священном месте.

Нечто подобное известно из литературной традиции. Например, в новелле о корабле Лукиан рассказывает о том, как некто Ликин увидел,

⁴ Неверов О. Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья. — Труды Государственного Эрмитажа, XVII, 1976, с. 173.

бродя без дела, прибывший в Пирей огромный корабль, необычный по размеру, один из тех, что доставляют из Египта в Италию хлеб, и делится впечатлениями с товарищами: «А между прочим, что за корабль! Сто двадцать локтей в длину, в ширину свыше четверти того, а от палубы до днища — там, где трюм наиболее глубок — двадцать девять (приблизительные размеры по современным масштабам — длина 60 м, ширина и высота — 15 м.— *Н. Г.*). А остальное: что за мачта, какая на ней рея, и каким штагом поддерживается она! Как спокойно полукругом вознеслась корма, выставляя свой золотой, как гусиная шея, изгиб. На противоположном конце соответственно возвысилась, протянувшись вперед, носовая часть, неся с обеих сторон изображение одноименной кораблю богини Изиды. Да и красота прочего снаряжения: окраска, верхний парус, сверкающий, как пламя, а кроме того, якоря, кабестаны, и брашпиль, и каюты на корме — все это кажется достойным удивления. А множество корабельщиков можно сравнить с целым лагерем. Говорят, что корабль везет столько хлеба, что его хватило бы на год для прокормления всего населения Атики»⁵. И далее автор повествует о том, что из-за непогоды корабль вынужден был причалить в Пирее только на 70-й день после отбытия из Египта, в то время как ему давно уже следовало быть в Италии.

Рассказ Лукиана представляет собою прекрасную иллюстрацию, на редкость созвучную нимфейскому сюжету, хотя и более позднюю по времени. Однако имеются и более синхронные источники. Так, у Афиней сохранились описания сиракузского корабля, в строительстве которого принимал участие Архимед⁶. Легенда гласит об огромном богато оформленном судне, материалы для которого собирались в разных частях света. На корабле были залы для прогулок и спортивных занятий, сады с поразительным изобилием растений, которые орошались при помощи специально подведенных свинцовых труб, святилище Афродиты с полом из сицилийских самоцветов, стенами и кровлей из кипариса, а дверями из слоновой кости и туи; внутри него размещались статуи, вазы и картины. Кроме того, на корабле были библиотека, баня, отделанная мрамором, с медными ваннами, стойла для лошадей, помещения, где находились команда, воины, гребцы, а также хранились запасы пищи, воды и т. д. Корабль был столь велик, что ни одна гавань не могла принять его, и он был отправлен в подарок царю Птолемею в Александрию, ибо в Египте был неурожай. По прибытии туда он был навсегда поставлен к причалу в порту и назван Александридой.

Эти и подобные им сведения древних авторов любопытны прежде всего в том отношении, что нимфейский корабль «Изида» подтверждает их в фактическом плане.

Выше уже отмечалось, что описание нимфейского судна передано художником с большими подробностями и деталями. По существу рисунок представляет собою чертеж, в котором недостает масштаба. Однако его можно рассчитать с достаточной долей точности. Параметры корабля и его пропорции, в частности соотношение длины, высоты (о ширине мы, к сожалению судить не можем) и меры устойчивости, соответствуют обычным нормам парусников, т. е. приблизительно один к четырем. Для определения длины судна могут служить равные расстояния между отверстиями для весел — портами. В каждом ряду их насчитывается 27. Если принять это число за действительное, то по самому минимальному расчету мы получим следующее: если предположить за каждым веслом одного гребца, а второй (средний) ряд сместить лишь на половину расстояния между гребцами первого и третьего ярусов, то судно окажется длиной

⁵ Лукиан. Собрание сочинений. Корабль или пожелания. Т. II. М.— Л., 1935, с. 213 сл.

⁶ Сведения древних авторов о крупных кораблях эллинистического времени подробно изложены и комментированы в указанной книге Б. Г. Петерса (с. 69—76).

около 60 м или немногим более. Если же количество гребцов увеличить в верхних ярусах до двух—четырёх, что будет соответствовать большей истине, то и судно пропорционально увеличится в размерах.

Из сказанного следует, что приведенные расчеты могут внести коррективы в устоявшееся мнение специалистов о размерах эллинистических триер, длина которых колеблется в пределах от 25 до 46 м, ширина — от 4 до 6 м⁷. Скорее всего такие параметры применимы к боевым кораблям, ибо известно, что начиная с V в. до н. э. триеры составляли основу военного флота почти каждого античного государства⁸. Для миссий же политического характера, совмещавших и торговые интересы, строились более крупные и богато оформленные суда, которые одновременно несли и военную функцию для обеспечения безопасности во время плавания в открытом море. О таких судах идет речь в описаниях древних авторов, и именно такой корабль представлен в рисунке на стене нимфейского святилища.

Таким образом, мы можем с достаточным основанием предполагать, что во второй четверти III в. до н. э., во время правления Перисада II, из Египта на Боспор прибыл с какими-то целями большой корабль «Изида» поразивший воображение нимфейцев. Это обстоятельство придает находке совершенно особое звучание в решении давно дискутируемой в науке проблемы боспоро-египетских отношений и тесно связанного с ней вопроса об экономическом состоянии Боспорского царства в III в. до н. э.

Исследователи нередко считают, что эти отношения часто были натянутыми или, во всяком случае, настороженными. До недавнего времени в научной литературе, посвященной истории Боспора, господствовало представление о высоком жизненном уровне в IV в. до н. э. на Боспоре и наступившем впоследствии прогрессирующем упадке. Представление это было обусловлено следующим: на рубеже IV—III вв. до н. э. в экономике Боспора произошли изменения, повлекшие за собой глубокий кризис денежного обращения. Причины его лежали прежде всего в изменении условий внешней торговли. Афины — основной компаньон этой торговли — теряют к этому времени свое могущество, а птолемеевский Египет становится опасным конкурентом боспорского экспорта хлеба в Восточное Средиземноморье. В результате экономика Боспора начала приходить в упадок. В конце II в. до н. э. все это завершилось социальным и политическим взрывом и присоединением Боспора к Понтийскому царству Митридата.

Подобная модель истории Боспорского государства в IV—I вв. до н. э. была предложена С. А. Жебелевым⁹ и впоследствии принята и еще более развита большинством советских антиковедов — Б. Н. Граковым, В. Ф. Гайдукевичем, В. Д. Блаватским, Д. П. Каллистовым¹⁰. Такая устоявшаяся точка зрения имеет своих немногочисленных противников, прежде всего в лице Д. Б. Шелова и М. К. Трофимовой¹¹. Эти исследова-

⁷ Шершов А. П. История военного кораблестроения. М.—Л., 1940, с. 28; Морской атлас. т. III, ч. 1: Изд. Главного штаба Военно-Морского Флота, 1959, рис. 3.

⁸ Шершов Ук. соч., с. 27; Козлов И. В. История военно-морского искусства. М., 1969, с. 12.

⁹ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 84, 85, 147—150, 180.

¹⁰ Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.—ВДИ, 1939, № 3, с. 234, 260 сл.; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 76—78; он же. История античных городов Северного Причерноморья.—В кн.: Античные города Северного Причерноморья. I. М.—Л., 1955, с. 118; Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья. М., 1947, с. 38 сл. Впоследствии исследователь изменил свою точку зрения, приблизив ее к концепции Д. Б. Шелова и М. К. Трофимовой. См. Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 100 сл.; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 234 сл.

¹¹ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 148; он же. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 32 сл.; Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики.—ВДИ, 1961, № 2, с. 46 сл.

тели отнеслись более критически к тем источникам, на основе которых возникла и развилась данная концепция. Они считают, что изменения, которые произошли в экономике и других сферах жизни Боспора в III в. до н. э., компенсировались соответствующими эквивалентами. Менялись ориентиры торговых контактов, развивались новые отрасли хозяйства взамен упавших, кризисы сменялись периодами подъемов и т. д. В отношении традиционного мнения о хлебной конкуренции между Египтом и Боспором авторы также приводят серьезные возражения. Они полагают, что египетский хлебный экспорт не мог удовлетворить все потребности в хлебе государства материковой и островной Греции. Об этом свидетельствуют постоянная озабоченность всех греческих полисов о снабжении хлебом и частые неурожаи в данном районе Средиземноморья.

Кроме того, наука располагает рядом письменных документов, свидетельствующих, что в III в. до н. э. Боспор продолжал поставлять хлеб не только в Афины, но и в другие районы Восточного Средиземноморья. В первую очередь это известный афинский декрет 286/5 г., изданный в честь боспорского царя Спартока III, которому были оказаны различные почести за присланный в Атику хлеб¹². Посвящение статуи Перисада II всем богам родосцами говорит о торговых контактах Боспора с Родосом, который поставлял вино взамен, скорее всего, экспортируемого туда хлеба¹³. Эти и другие данные позволяют говорить против распространенного мнения о вытеснении боспорского хлеба с греческих рынков египетским. Самое любопытное, что такому представлению не соответствует и содержание письма в папирусе из «архива Зенона» о приеме 21 сентября 254 г. в Александрии послов боспорского царя Перисада II Птолемеем II Филадельфом¹⁴, к которому обычно апеллируют исследователи — представители первой точки зрения. На основании этого письма принято считать, что боспорские послы должны были договориться с могущественным соперником о сферах влияния в хлебной торговле между Египтом и Боспором на греческих рынках. Тем не менее смысл письма вполне однозначен: из него следует только то, что послы Перисада по прибытии в Египет должны были быть приняты при птолемеевском дворе с особыми почестями. Следовательно, заинтересованы в переговорах были обе стороны, и вряд ли в таком случае могли обсуждаться вопросы конкурентной борьбы за хлеб. О боспоро-египетских контактах в III в. до н. э. свидетельствует александрийский импорт, который в последнее время все чаще определяется в археологических материалах античных городов Северного Причерноморья: скульптура, керамика, бронзовые птолемеевские перстни и т. д.

В этом отношении знаменательно и появление египетского корабля «Изида» на Боспоре. Вывод напрашивается сам собой: не было ли это судно также посольским? Во всяком случае его парадный облик и размеры вполне отвечают подобной миссии. К сожалению, мы не знаем года, когда оно прибыло на берега Боспора Киммерийского. В надписях, расположенных в левом верхнем углу фрески и явно относящихся к изображению триеры, указано лишь, что эти события происходили в весенне-летние месяцы, т. е. в период начала навигации.

²Νοίξαμεν Καλαμαιῶνος ἐβδόμη στήσαντος

Мы отплыли седьмого числа каламайона

³Νοίξαμεν Θαρρηλιῶνος εἰκάδι

Мы отплыли двадцатого числа таргелиона¹⁵.

Вопрос о конкретном месте назначения: прибыл ли корабль в боспорскую столицу Пантикапей или непосредственно в Нимфей — город, рас-

¹² Граков. Ук. соч., с. 241 сл., № 4.

¹³ Там же, с. 234; КБН 20.

¹⁴ Граков. Ук. соч., с. 260 сл. Литературу и комментарии к этому источнику см. Шелов. Танаис и Нижний Дон..., с. 33 сл.

¹⁵ Две другие надписи из этой группы пока окончательно не восстановлены.

полагавший хорошей гаванью, пока остается открытым. Важно одно обстоятельство: в данном визите можно усматривать неопровержимые доказательства того, что и птолемеевскому Египту было необходимо поддерживать добрые и дружественные отношения с Боспорским государством.

В заключение хотелось бы сказать, что осмысление нового нимфейского памятника и его достойная интерпретация требуют времени. Только на его восстановление и реставрацию потребуется не один год, а в надписях и рисунках пока зияют досадные лакуны. В настоящей работе мы сделали попытку извлечь первую информацию из этого богатейшего изобразительного и письменного комплекса, взяв за основу, далеко не в полном объеме, всего лишь один его компонент — корабль «Изида».

DISCOVERY OF A NEW HISTORICAL SOURCE IN NYMPHAEUM

N. L. Grach

In 1982 excavations on the site of the Bosphorian city Nymphaeum uncovered a sheet of polychrome stuccowork fallen from the wall of a room in a shrine of the first half of the 3rd century B. C. associated with Aphrodite and Apollo as protectors of seamen. The surface of the fresco (ca. 15 sq. m.), consisting of transverse yellow and red stripes, is thickly covered with graphic drawings and Greek inscriptions. The drawings are mostly of sailing ships, the inscriptions reflect many aspects of the private and public life of the Nymphaeans in the reign of Paerisades II. Prominent among the objects depicted is a trireme named «Isis» (1.20 m. long). This drawing provides unique information about the structure of a Hellenistic ship, including details of exterior and interior arrangements and decoration. The name of the ship and several of her decorative features point to an Egyptian origin. The drawing was done from life, clearly by a connoisseur of naval matters, while the ship lay at anchor in the harbour or on the roadstead of the sound. The not unreasonable hypothesis that the «Isis» was an ambassadorial ship on a visit to Bosphorus from Ptolemaic Egypt could help to clarify the longstanding question as to the nature of Bosporo-Egyptian relations and the related question as to the economic condition of Bosphorus in the 3rd century B. C. The discovery of this fresco at Nymphaeum provides rich new source material on the history of the North Black Sea coastal area and the Mediterranean in the Hellenistic period.

Рис. 1а. Фрагмент фрески с изображением триеры «Изида»

Рис. 16. Носовая часть триеры «Мизда» (деталь)

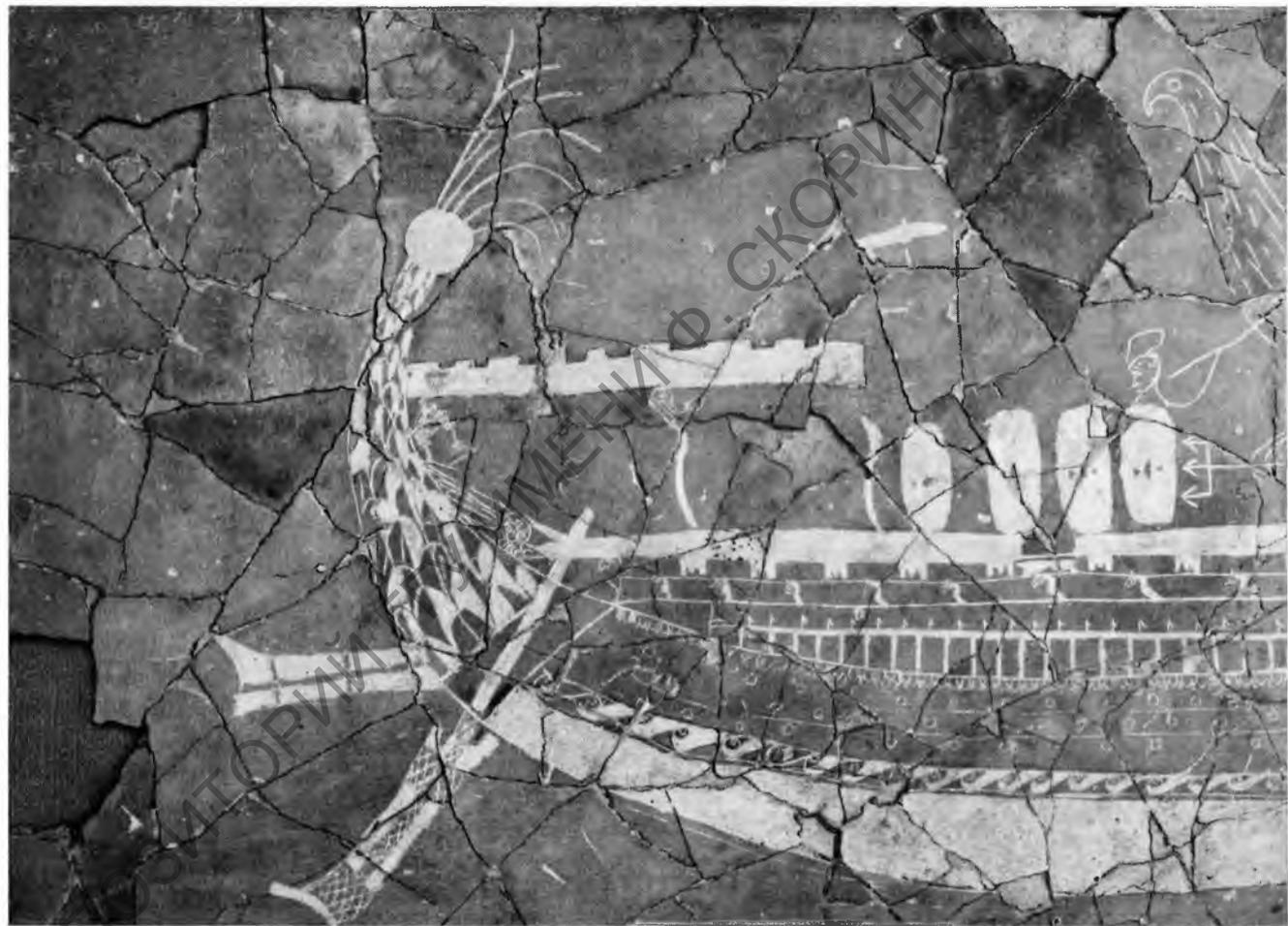

Рис. 1в. Кормовая часть триеры «Изида» (деталь)